

Анализ идеи пространства Алексей Иванович Введенский

Психологическая точка зрения

В моей душе есть некоторое знание. Вне меня (для простоты, – но также и во мне) есть некоторый познаваемый предмет. Над моим знанием и познаваемым мною предметом, в них и за ними, есть нечто, их объединяющее: царит некоторый закон, определяющий их взаимоотношение, носится некоторая идея, озаряющая их высшим светом – через установку их отношения к законам и началам общемировой жизни, через указание связи с мировым целым и т.д.

Вот, в простейшей схеме, различие трех основных точек зрения: психологической, гносеологической (или теоретико-познавательной) и метафизической, – различие, которое, хотя и должно бы входить в состав азбуки теоретической философии, однако же далеко не всегда сознается с надлежащей отчетливостью. Я могу остановиться, в своем анализе, на знании, как именно знании, независимо от познаваемой системы вещей (точка зрения психологическая): могу принять во внимание вместе и эту последнюю (точка зрения гносеологическая); могу, наконец, взять систему идей и систему вещей в единстве, поднявшись над ними на точку зрения общемировую, – могу, говоря иначе, взять вопрос во всеобщем смысле (точка зрения высшая, в собственном смысле философская или метафизическая).

Нам необходимо было напомнить это элементарное различие, чтобы точнее и ближе определить область предстоящих философских изысканий.

Задача настоящего исследования собственно метафизическая: оно хочет изложить учение о пространстве, как ингредиент (составной части) мирового целого, то есть как об одном из мировых «начал» (форм существования, может быть, законов, определяющих мировые процессы и т.д.). Так как, однако, нельзя философствовать в безвоздушном пространстве и плоха была бы та метафизика, которая захотела бы совершенно порвать со всякими фактами или их систематически игнорировать, то к метафизической точке зрения на наш вопрос нам необходимо пройти через обе нижележащие ступени: психологическую и гносеологическую.

И прежде всего нам необходимо ориентироваться в вопросе с психологической точки зрения, т.е. в области первичных психологических фактов и выработанных наукой их объяснительных гипотез. Но, конечно, мы отнюдь не можем входить здесь в подробности, как известно

разрастающиеся, в современной литературе, по отдельным, и иногда совсем специальным вопросам, в целые тома. Нет, нам достаточно ввести в сферу нашего обозрения лишь те моменты психологического обсуждения вопроса, которые, с одной стороны, могут содействовать установке искомых нами метафизических результатов, а с другой – дадут надежные точки опоры для их проверки.

1. Точка отправления: пространство «зрительное» и «осязательное»

В вопросе, столь сложном и запутанном, как наш, очень важно взять точку отправления в факты и притом – в факты возможно общего признания и принципиального значения.

Таким фактом в занимающей нас области служит глубокое различие пространственных представлений у людей, обладающих зрением и – лишенных его, или так называемого «зрительного» и «осязательного» пространства. В общих чертах факт этот известен давно и давно уже привлечен философами-психологами к обсуждению вопроса. Но лишь в сравнительно недавнее время он обратил на себя то внимание, какого по всей справедливости заслуживает и сделался предметом тщательного анализа, вызвав, конечно, и различные толкования.

Обычное явление в истории науки!

Однако же, спорные и подвижные моменты истолковательных гипотез не должны, конечно, закрывать от нас самого факта, в его прямом значении и смысле.

До чего резко отличаются «осязательные» пространственные представления от представлений «зрительных», т.е. представления о пространстве слепых от представлений зрячих, ясно видно уже из того, что ученые, долго и внимательно наблюдавшие с этой стороны психическую жизнь слепых, приходили к заключению, будто у них вовсе нет идеи пространства. Так, известный современник Канта Платнер, составивший себе репутацию вместе и ученого медика-профессора и проницательного философа, пришел на основании своих наблюдений, к убеждению, будто «чувство осязания, само по себе, совершенно недостаточно для того, чтобы доставить нам представление протяжения и пространства»; будто, вследствие этого «человек, лишенный зрения, абсолютно не имеет никакого восприятия внешнего мира», так что будто бы «для слепорожденных время служит вместо пространства»¹. Другой ученый, позднейший, директор парижского института слепых Жюль Пира, наблюдавший над слепцами в продолжение семи лет и, – что особенно важно, – совсем незнакомый с теорией Платнера, высказался, однако же, по занимающему нас вопросу почти в том же смысле, как и Платнер. И по его мнению слепцы живут исключительно лишь во времени. Их представления о внешних предметах, по истолкованию названного ученого, суть, будто бы, лишь представления или ожидания возможной

преемственности ощущений, которые можно испытать при соприкосновении с предметами, но отнюдь не представления внешнего сосуществования или сопринадлежности частей предмета. Например, когда слепой сидит в кресле, то идея, которую он о нем получает, состоит, будто бы, лишь в том, что, водя по креслу рукою, он встречает, – преемственно и последовательно, т.е. во временном порядке, а не пространственном, – кожу, дерево, гвозди и т.п., причем, будто бы, у него вовсе нет представления о том, что кресло есть тело протяженное. Вообще, по мнению Пира, можно думать, что слепые не имеют никакого понятия о протяжении. Их способ представления вещей не имеет, будто бы, абсолютно ничего общего с нашим. Так, например, тогда как представления, которые имеем о человеке мы, зрячие, все относятся к его внешней форме, как бы размещаются в одной пространственной схеме, – у слепца они связываются, например, со звуком его голоса и т. д.²

Все это, – и заявление Платнера, и разъяснение Пира, – как увидим далее, преувеличено: у слепых есть идея пространства (так как между ними есть даже замечательные геометры), хотя совсем иного характера. Тем не менее, уже то обстоятельство, что приведенные мнения высказаны независимо друг от друга, тоном решительным и в смысле совершенно определенном, – уже одно это обстоятельство заставляет нас относиться к ним, по меньшей мере, осторожно: опровергая преувеличенные и не точные выводы, мы должны тем тщательнее описать и проанализировать, с более широкой точки зрения, самые факты и тогда мы убедимся в логической правомерности только что сделанной нами поправки, так как эти факты несомненно обязывают нас к выводу, что идея пространства у слепых, действительно, глубоко отлична от нашей, инородна сравнительно с ней.

В чем же именно заключается это различие?

Ближайшее изучение фактов показывает, что в нашей, «зрительной», идее пространства есть такие черты, которые для слепых абсолютно непонятны, так как совершенно у них отсутствуют и, наоборот, – что в их идее пространства есть черты, не совсем понятные для зрячих. Говорим: «не совсем понятные», так как тем способом, которыми образуют себе пространственные представления слепые, т.е. осязанием, владеем и мы, зрячие, хотя есть основания думать, что показания осязания у нас глубоко изменены и преобразованы восприятиями зрительными.

Французский психолог Дюнан так именно и поставил дело в своей монографии «Пространство зрительное и осязательное»³.

Он начал свое изучение вопросом: нет ли в наших зрительных

пространственных представлениях такого элемента, который преимущественно, если не исключительно, был бы связан с восприятиями зрения и которого поэтому, как можно ожидать уже а priori, не должно оказываться у слепых? Такой элемент, как показали его эмпирические исследования, есть. Это – закон перспективы, т.е. всеми известного впечатления постепенного уменьшения видимого предмета пропорционально его расстоянию от нас. Психолог спрашивал слепцов поодиночке, знают ли они хоть сколько-нибудь об этом законе, и оказалось, что нет. Тогда он разъяснил его сущность самому смышленому слепцу (Келену), – на одном примере из области геометрии. Он напомнил последнему, что у равнобедренных треугольников с одинаковыми основаниями угол вершины становится тем меньше, чем больше стороны. Это Келен знал и по-своему понял. Но когда затем Дюнэн попытался воспользоваться этими геометрическими построениями для объяснения закона перспективы, когда он сказал, что основание треугольника есть видимый предмет, а вершина – идеальный, проектируемый исходящими из предмета, также идеальными, линиями, угол, образуемый на сетчатке нашего глаза и которыми мы измеряем предмет: Келен не уразумел этой аналогии и не сумел объяснить себе, при ее помощи, закона перспективы. Он вовсе не понимал, каким образом возможно восприятие предмета из вершины треугольника, основанием которого он служит. И это, конечно, вполне естественно. Ведь перспективная проекция предмета есть восприятие на расстоянии, а слепой может образовать лишь идею восприятия через соприкосновение в осязании.

Отчасти на основании только что указанного, отчасти и на основании других показаний слепцов, Дюнэн пришел к выводу, что тела имеют для последних «абсолютную и неспособную к изменениям величину», так что они решительно не в состоянии понять, каким образом одно и то же тело нам зрячим может казаться то меньше, то больше, смотря по расстоянию. И в этом последнем пункте, – заметим, – согласие в показании слепцов полное. Вот почему оперированные слепцы очень удивляются, когда мало-помалу знакомятся с законом перспективы. Так, известный хирург Чезельдэн рассказывает из своей практики следующий случай. Одному оперированному субъекту, когда он присмотрелся уже к лицам своих родственников, показали миниатюрный портрет отца, вделанный в часы матери. Ему объяснили, кто это и он нашел сходство. Но он очень удивился тому, что большое лицо может быть изображено на таком крошечном предмете, как часы: «Прежде», – сказал он, – «это показалось бы мне столь же невозможным, как, например, поместить бочку в

стакане»⁴.

Таким образом, в наших зрительных представлениях оказываются такие черты, которые слепцам абсолютно недоступны и, даже когда они получают зрение, кажутся странными.

Но, как мы сказали, и наоборот, – в пространственных представлениях слепцов или в так называемом «осязательном» пространстве должны оказаться такие подробности, которые, в свою очередь, чужды нам, зрячим. И это, как убедился Дюнан, – в этом другая часть его метода, – действительно так: такова именно способность слепцов представлять пространство без окраски (бесцветным) и формы и, наоборот, – цвета представлять без протяжения.

Само собою понятно, что у слепцов, совершенно лишенных зрения, нет и быть не может представления о цветах и красках. Но как, при таком условии, они все-таки вырабатывают идею пространства, – от полного и ясного понимания этого факта (ибо это несомненный факт) нам, зрячим, к сожалению, приходится отказаться, хотя недостатка в попытках, со стороны самих слепцов, разъяснить нам эту подробность нет.

По сообщению все того же Дюнана, они согласно свидетельствуют, что, хотя им нужно несравненно больше времени, чем нам, на восприятие нового предмета, так как они должны наследовать его в мельчайших подробностях осязанием, но, раз такое исследование закончено, то предмет, каков бы он ни был, – шар, куб, человек, улица и т.п., – они представляют уже без затруднения и притом сразу. Предмет для нас, поясняют они, есть «совокупность линий». Они каким-то непостижимым для нас образом способны воспроизводить в своем воображении каждый раз, как говорят о том или другом предмете, целую группу сходящихся и пересекающихся линий: это и есть для них пространственная форма. Конечно, нам, зрячим, очень трудно, представить себе пространственную форму помимо средств, доставляемых зрением, т.е. без цвета и окраски. А между тем относительно слепцов это факт, хорошо засвидетельствованный согласными и точными показаниями многих. С другой стороны, мы узнаем от них, что, как протяженность они могут представлять себе без окраски и цвета, так, наоборот, и цвета могут представлять без протяжения. Так, тот же самый Келен, о котором уже было упомянуто выше, – слепец, который не различает цветов, хоть и воспринимает некоторые световые впечатления и, например, в освещенной дневным светом комнате может сказать, с какой стороны окно, – этот самый слепец дал Дюнану, по занимающему нас вопросу, следующие разъяснения:

– «Ваши световые ощущения, – спросил психолог, – имеют ли они какую-нибудь форму протяжения?»

– Нет, – отвечал слепец, – форма протяжения им чужда, точно так же как ощущениям звука или запаха.

– Однако, ведь вы же локализуете получаемое вами впечатление ясности – (clarte), так как поворачиваетесь в сторону окна?

– Без сомнения, – был ответ, – Я локалирую в пространстве мои световые ощущения. Но ведь я локалирую и свои звуковые ощущения. Я знаю, из какой части пространства идет свет, точно так же как знаю, откуда идет звук, – с тою лишь разницей, что ощущения звука возбуждают во мне разом и идею направления, и идею расстояния, тогда как световое ощущение возбуждает лишь идею направления.

– Итак, – продолжал свои вопросы психолог, – когда вы говорите, что свет совсем не имеет для вас формы протяжения, то вы хотите сказать, что, как и звук, он вовсе не представляется вам чем-то, как бы обнимающим, окутывающим или обволакивающим предметы и что, представляя тела в воображении, вы не придаете им абсолютно никакого цвета и не представляете их окрашенными или светлыми точно так же, как не представляете их звучащими?

– Совершенно верно.

– Следовательно, когда я говорю вам, что для меня цвета имеют очертания, то это не имеет для вас в сущности никакого смысла?

– Решительно никакого»⁵.

Вот искусная и методически точная постановка дела!

Может быть, в ответах слепца некоторые ударения сделаны уже слишком сильно, – это естественно, конечно, при данных условиях. Но, во всяком случае, для нас должно быть ясно, что это все же не наш способ представления. Значит, в «осязательном» пространстве, то есть в пространственных представлениях людей, лишенных зрения, есть моменты, недоступные нам, зрячим, – хотя и не в абсолютной степени, в какой недоступны некоторые моменты «зрительного» пространства слепцам.

Таким образом, отчасти слепцы не могут понять нашего способа представлять пространство, – и они в степени абсолютной, – отчасти мы не можем понять их способы.

Притом, – и это особенно замечательно, – эти способы представлять пространство исключают друг друга, как две разнородных системы психологических процессов или, по крайней мере, не покрывают друг друга, причем не совпадавшие части находятся как бы в противоборстве,

тесня одна другую. Это доказывается: а) наблюдениями над характером пространственных представлений, с одной стороны, у лиц, потерявших зрение уже после того, как они несколько освоились с представлениями зрительными; с другой, – б) наблюдениями над субъектами, получившими зрение после операции.

а. Из фактов первого рода особенно ценны разъяснения слепца Берню (Bernus), который потерял зрение семи лет от роду. В момент его показаний ему было 35 лет. Он человек очень интеллигентный и, несмотря на свою слепоту, состоит в училище для слепых преподавателем грамматики и литературы. Из его разъяснений оказалось, во-первых, что он и теперь, в 35 лет, все предметы, например, буквы алфавита «ночного письма», – алфавита Брайля, – окрашивает. Во-вторых, – что сначала, лет до 25–8, у него преобладало зрительное представление пространства над осязательным, т.е. он представлял себе предметы и, – что особенно характерно, – даже грезил, как зрячий, а потом, начиная с этого времени, у него стали брать верх осязательные представления пространства, т.е. его думы, мечты и даже сны сделались жизнью слепца. «Это значит, – разъяснял он это последнее свое заявление, – что до 25 лет я являлся себе в своих сновидениях зрячим и действовал, как зрячий, тогда как теперь и во сне я слепец точно так же, как наяву: я воображаю во время сна, будто брожу в потемках, схватываю предметы точно так же, как я делаю теперь и наяву; прежде у меня было два состояния, – состояние слепца днем и зрячего ночью. Теперь же только одно и днем и ночью, – состояние слепца»⁶. Смысл этого факта понятен. Зрительный способ пространственных представлений, как более развитой и совершенной, уступает свое место осязательному лишь мало-помалу, после упорной борьбы, – лет через 20. Некоторые элементы зрительного пространства, правда, остаются, но, не гармонируя с осязательными представлениями, служат субъекту лишь во вред. Так мы узнаем, – от того же Берню, – что он сохранил, и после замены одной системы пространственных представлений другой, способность и склонность окрашивать предметы и даже совсем не мог, например, представлять буквы алфавита Брайля без окраски, т.е. не мог выработать о них чисто осязательного представления, что, как известно, вполне легко делают сравнительно менее интеллигентные слепцы от рождения: это, без сомнения, немало препятствовало ему, как препятствует и зрячим, в практическом пользовании алфавитом. Психологическое объяснение всех этих фактов, конечно, вполне понятно. «Зрительные формы пространства, – пишет Дюнан, – оставшиеся в памяти слепца с той поры, когда он владел

зрением, образованы по закону совсем другому сравнительно с тем, который управляет чисто осязательными пространственными представлениями у слепцов от рождения и, так как форма пространства, возникающая из приложения первого закона, представляет громадные выгоды сравнительно со второй формой пространственных представлений, то весьма естественно, что дух слепца, сохранившего зрительные воспоминания, упорно противится замене более совершенной формы представлений формой менее совершенной, что делает для него абсолютно непроницаемым мир осязательного пространства, в котором живут слепцы от рождения»⁷. Косвенным подтверждением этого психологического толкования приведенных выше фактов служит следующая любопытная подробность, приводимая далее Дюнаном. Пти, цензор института слепых, долго обращавшийся с ними, говорит, что он сравнительно легко и скоро научился читать глазами «ночное письмо» т. е. алфавит Брайля, но что он никогда не мог добиться того, чтобы прочитать хотя бы одно слово пальцами, – что легко делают слепцы. Причина этого факта заключается, очевидно, в том, что в его сознании, при попытках этой последней категории, происходит путаница двух различных порядков пространственных восприятий, зрительных и осязательных, которые, будучи образованы по различным законам, теснят друг друга, путают сознание, парализуют его энергию и лишают отчетливости и уверенности. Из всего этого следует, что у людей, обладающих зрением, пространство уже вполне переведено с языка осязания на языки зрения и, значит, более уже совсем не существует в осязательной форме: иначе оно находилось бы в антагонизме и борьбе с пространством зрительным и нарушало бы нормальное течение соприкосновенных психологических процессов. Наоборот, у людей, утративших зрение, перевод зрительного пространства на осязательное совершается крайне медленно и с упорной борьбой, так как здесь более совершенной системе представлений приходится уступать свое место системе менее совершенной, что, конечно, противоречит закону экономии сил и господствующему над всей психикой телеологическому принципу.

б. Мы видели, что бывает с людьми, утрачивающими зрение (или пытающимися заменить его, в тех или иных случаях, одними осязательными ощущениями), – какой разлад наступает в их представлениях и действиях, когда слабо и лишь отчасти сохранившиеся элементы зрительного пространства перемешиваются, в их сознании, с представлениями осязательными. Эту картину, – картину разлада и дисгармонии, – дополняют наблюдения над субъектами, которым зрение

возвращено операцией. Они показывают, что, в свою очередь, и осязательное пространство у людей, с ним сжившихся, представляет стойкое противодействие замене его пространством зрительным. В данном отношении весьма большой интерес представляют опыты лозаннского доктора Дюфура, которому удалось посредством удачной операции зрение двадцатилетнему слепорожденному юноше Ною М.⁸. Опыты Дюфура с ясностью показали, что оперированный субъект должен был, так сказать, переводить свои новые зрительные и пространственные восприятия на язык знакомых ему прежде осязательных, – точно так же, как зрячий, утратив зрение, должен переводить свои новые осязательные пространственные восприятия, как мы видели это раньше, на знакомый уже ему язык представлений зрительных. И этот перевод совершается также очень медленно и постепенно, хотя и не с таким трудом, как в последнем случае, так как здесь приходится заменять менее совершенную систему процессов и знаков системой более совершенной.

Вот несколько относящихся сюда подробностей.

Залечив глаза и сняв повязку, упомянутый нами врач привел своего пациента, Ноя М., в умеренно освещенную комнату, посадил спиной к окну и, встав сам недалеко от него, стал делать легкие движения рукою на своем цветном костюме. Начались вопросы.

– «Видите вы что-нибудь?»

– Да, что-то светлое».

Понятие светлого и темного у пациента существовало до операции и вполне естественно, следовательно, что свое новое впечатление он квалифицировал знакомой уже ему категорией светлого.

– «А как вы думаете, – что это?»

– Это.... это...»

Вот, замечает врач, стереотипный характерный ответ, который я получал в продолжение многих опытов, когда моему пациенту нужно было истолковать то или другое из своих зрительных ощущений.

– «Не видите ли вы, – продолжал врач свои вопросы далее, – что нечто движется?»

– Движется?»

Врач прекратил движения, потом снова стал повторять их и допытывался, не замечает ли пациент перемены. Оказалось, что нет. И когда врач стал настаивать, чтобы пациент поточнее описал, что именно он видит, этот последний повторял все одно и то же: «нечто светлое». Врач стал разнообразить свой опыт еще более. Но все тщетно. Больной был доведен до утомления и все-таки не смог сказать, что видит именно

движение руки. И это совершенно понятно. Его ум был занят совсем иной, инородной идеей движения, которая не имела никакого отношения к тому, что он теперь видел, и естественно, что, когда ему говорили о движении, он ожидал встретить что-нибудь другое. Ему, значит, предстояло еще по опыту научиться «переводить» одно восприятие в изменении пространственных отношений на другое.

Еще психологический опыт с тем же пациентом.

На четвертый день после описанного случая врач показывает Ною М. два листочка белой бумаги, – один круглый, другой квадратный.

– «Замечаете ли вы разницу между этими листочками?» – спрашивает врач.

– Да.

– Какую?"

Ответа нет.

– «Один из листиков, – помогает врач, – круглый, а другой квадратный: какой круглый и какой квадратный?»

Больной помолчал с минуту, а потом заявил, что не может различить. Таким образом, он видел различие, но чтобы точнее определить его, ему опять-таки требовался опыт, навык и Дюфур показывает далее, каким именно образом совершался этот перевод новых восприятий на знакомый язык: больной прибегал к помощи руки и тогда легко и быстро различал, какой листик бумаги круглый и какой квадратный, какой больше, какой меньше, и уже позднее, внимательно всматриваясь, устанавливали связь одного восприятия с другим и истолковывал одно по-другому⁹.

Подобные факты уже давно известны психологам (их довольно приведено, например, и у Тэна) и Дюфур не первый останавливает на них внимание. Но у него впервые отмечены некоторые любопытные подробности. Например, он подметил, что, будучи предоставлен самому себе, пациент, предпочитал пользоваться осязанием даже и там, где ему могло бы лучше служить зрение. Это происходило, очевидно, потому, что язык осязания был ему все еще более знаком, чем язык зрения. Дюфур подметил также, что, когда перевод зрительных восприятий на осязательные был для пациента затруднителен, когда, например, речь шла об абстрактных математических свойствах вещей, он путался больше, иногда долго не находя выхода из затруднения. Например, раз доктор показал пациенту две полосы белой картонной бумаги, одинаковой ширины, но разной длины: одна приблизительно в десять сантиметров, а другая в двадцать.

– «Что вы видите?» – спросил врач.

- Белые предметы.
- Равные?
- Нет, – отвечал испытуемый после минутного колебания.
- Один длиннее другого, – не так ли?»

Наступает пауза.

- «Который же длиннее?»

Ответа нет. На дальнейшие вопросы больной заявил, что не может решить. Но потом мало-помалу при помощи осязания справился и с этой трудностью. Здесь, очевидно, затронут слишком отвлеченный вопрос, непосильный для человека, делающего первые шаги на пути сравнений и различий, в области отношений зрительного пространства.

Итак, *«зрительное» и «осязательное» пространства глубоко отличны одно от другого, как две, совершенно инородные, системы представлений.*

Этим фактом, фактом бесспорно крупного, прямо-таки принципиального значения, в корне подрывается состоятельность всех тех учений о пространстве, включая и Кантовское¹⁰, который исходит из признания врожденности готовой пространственной схемы или формы, называют ли это врожденное знание о пространстве интуицией, воззрением, представлением или как-нибудь иначе. В самом деле, раз наши пространственные представления находятся в прямой зависимости от органов внешних чувств (осязания и зрения), то, уже по одному этому, мы отнюдь не можем рассматривать их, как готовое знание, получаемое нами от предков, вместе с нашим рождением, и привносимое к восприятиям, из которых слагается наш «опыт».

Однако, с другой стороны, простой ссылкой на *факт* принципиального различия между «зрительным» и «осязательным» пространством, конечно, еще далеко нельзя решить старой философской тяжбы между так называемым *нативизмом* и *эмпиризмом*, то есть между учением о пространстве, как врожденном, и как вырабатываемом путем опыта¹¹.

Различие между «зрительным» и «осязательным» пространством говорит только, что наше пространственное знание не дано нам изначально в готовой форме. Но оно ничего не говорит о том, не приносим ли мы вместе со своим рождением, то есть не обладаем ли до опыта, какими-нибудь априорными предрасположениями, задатками, элементами, которые привходят в апостериорные данные: это совсем другой вопрос.

И вот, чтобы ориентироваться в этом последнем вопросе, нам необходимо проследить теперь опять-таки в самых общих чертах, –

генезис «осязательного» и «зрительного» пространства. И именно – сначала «осязательного», как системы более простой и вместе менее совершенной.

2. Генезис «осязательного» пространства

Предстоящая нам здесь задача не совпадает ни с аналитическим описанием того процесса, каким каждый из нас, начиная с младенчества, вырабатывает из первоначальных хаотических восприятий сложную идею организованного реального пространства, в чем видят один из существеннейших моментов в исследовании вопроса о пространстве некоторые психологи (например, Джемс), ни – с гипотетической реконструкцией широкой картины пространственных приспособлений у существ, стоящих на низших ступенях биологической лестницы и еще не обладающих зрением, чем пользуются, как одними из вспомогательных методов, для разъяснения вопроса некоторые философы, вообще равнодушные к биологическому методу¹². Нет. Ни тот, ни другой путь не отвечает нашему специальному интересу: первый потому, что осложняет вопросы анализом также и зрительных пространственных восприятий, а второй потому, что во всяком случае, хочет объяснить более известное менее известным.

Не сбиваясь на эти, так сказать, окольные пути, мы должны попытаться *в прямом порядке* выполнить искусственную изоляцию тех первичных элементов и процессов, из которых можно было бы конструировать «осязательное» пространство, т.е. именно вскрыть его генезис. И это вполне возможно. Конечно, процессы, подлежащие в данном случае анализу, не даны нам непосредственно в нашем собственном сознании. Однако, и помимо изложенной уже нами его характеристики со стороны слепцов, мы и сами можем, до некоторой степени, приблизить его к своему сознанию, – по крайней мере, в простейших моментах. Мы можем, например, одну и ту же линию воспринимать двояким образом: раз, когда она моментально освещается, положим, электрической искрой, и другой раз – когда мы медленно проводим по ее длине с одного конца до другого рукой. Вот два различных способа пространственного восприятия, – зрительное и осязательное, моментальное и длительное. Одно и то же объективное содержание субъективно отражается здесь двумя различными способами, – подобно тому, как одна и та же мысль облекается в различную словесную оболочку. Эта возможность, пусть лишь частичная, – возможность и для людей, обладающих зрением усвоить себе и реализовать в своем сознании некоторые элементарные процессы «осязательного» пространства, – способна служить, во всяком случае, лучшим, чем «биологический метод»,

косвенным средством для проверки относящихся сюда психологических гипотез.

Итак, каким же образом и из каких первичных элементов слагается «осязательное» пространство?

Выслушаем сначала простейший ответ, – ответ представителей эмпиризма.

Эмпирики, – Бэн, Броун, Милль и др., – обыкновенно определяют пространство, как «простор для движения», о котором извещают нас специфические ощущения мускульного (или «мышечного») усилия: показания мускульного чувства – вот, следовательно, с этой точки зрения, первичные элементы идеи пространства.

Вот как, в частности, эмпирики раскрывают этот свой основной тезис.

Самое надежное из наших внешних чувств, – такова нить их рассуждений¹³, – есть осязание. Но в нем два различных момента, которым соответствуют две различные формы мускульного ощущения или «различающей чувствительности мышечного усилия»: прикосновение, из которого возникает чувство сопротивления, некоторой противостоящей интенсивности, и – движение, из которого возникает чувство свободного, ничем не сдерживаемого и не связанного усилия, проявляющегося в различных формах напряжения и сокращения тканей и органов тела.

Последний момент столь же реален и доступен столь же точному измерению (вычислению), как и первый, хотя, быть может, несколько менее отчетлив. Чувство интенсивности или сопротивления дает нам идею пространства наполненного или тела, а *чувство свободного мускульного усилия, израсходованного движения* дает идею пространства не наполненного, пустого т.е. пространства в собственном смысле. И именно из этого источника мало-помалу в нашем сознании проясняются следующие элементы сложной идеи пространства. Во-первых, представление *линейного протяжения*, описываемого тем или другим органом тела и измеряемого количеством затрачиваемого на выполнение этого движения мышечного усилия: мерой здесь служит именно чувство расходуемой мускульной силы. Далее, следуют представления *направления*, равно как и *относительного положения*: это последнее есть не что иное, как расстояние одного направления линейного протяжения относительно другого. Сюда примыкают, затем, представления *формы* и *фигуры*, с их различиями по длине и ширине: все это определяется показателями того же мускульного чувства, так как мы постепенно научаемся замечать, что, например, медленное движение в течение долгого времени одинаково с более быстрым движением в сравнительно

краткий промежуток времени, что легко узнается по тому, что оба движения производят один и тот же эффект, например, полное отклонение того или другого члена. Итак, – заключают эмпирики, – простое движение органов нашего тела или, точнее, сопровождающее это движение чувство мускульного усилия, одно и само по себе, помимо всяких других восприятий, не исключая и самых важных, т.е. зрительных, способно породить все те «умственные впечатления или состояния сознания», из которых, как из своих элементов, слагается наша идея пространства.

Самый трудный пункт в только что намеченной нами теории происхождения идеи «осязательного» пространства, – пункт, который, как увидим дальше, для многих действительно служит камнем преткновения, – есть переход величины *протенсивной*, т.е. преемственности наших чувствований мускульного усилия, в величину *экстенсивную*, порядка временного в пространственный распорядок одновременно сосуществующих элементов. Однако эмпирики, по-видимому, совершенно благополучно преодолевают эту трудность, – именно указанием на тот факт, что мы весьма рано уже приобретаем сознание одновременности многих осязательных ощущений. То, что для одного члена дано, как последовательный (временный) ряд моментов, то же самое для двух или нескольких членов оказывается данным, как одновременная серия пространственных моментов. Когда мы переносим свою руку от пункта А к пункту Б, то мы получаем представление лишь величины протенсивной, которую можем истолковать и как величину чисто временную. Но когда мы *одновременно* переносим другую руку через то же расстояние в *обратном порядке* от Б к А, тогда возможность истолковывать это расстояние в смысле величины временной уже исключена: «Промежуточная серия мышечных ощущений, – комментирует Милль, – есть единственная особенность, отличающая одновременность в пространстве от одновременности, которая может существовать, например, между вкусом и цветом, или между вкусом и запахом»¹⁴. Таким образом, *пространство, т.е. величина экстенсивная, с точки зрения эмпиризма, есть величина или, точнее, система величин протенсивных плюс синхронизм.*

Такова, в упрощенной форме, гипотеза эмпириков. Зерно ее, как видим, совершенно просто, – просто до прозрачности, особенно, если освободить его, как это пытались сделать мы при своем изложении, от тех случайных придатков, которые давали и дают повод к обвинению ее защитников в грубых и, будто бы, совершенно очевидных подтасовках... И тем не менее, даже и в этой упрощенной форме, некоторые строгие

критики находят возможным предъявлять к ней упрек в допущении скрытого *petitio principii*. «Теория, – пишет, например, один из них, – предполагает, что элементы, из ассоциации которых выводится идея пространства, т.е. чувствования мускульного усилия, не пространственны. Следовательно, и в образующихся из них, путем ассоциации, сложных психических состояниях ничего не может появиться совершенно нового и по своей природе специфически отличного от свойств элементов, вошедших в соединение или ассоциации, подобно тому, как в самом сложном химическом теле не может появиться, например, серы, золота или железа, если их не было в более простых телах, из которых составилось сложное. Отсюда, если в отдельных элементах мускульного чувства не было ничего пространственного, то пространственность не может появиться и в их ассоциации или в образовавшемся из них сложном продукте. Значит, вывести пространственность из соединения непространственных составных элементов можно только тогда, когда мы тихомолком и софистически ее туда уже вложили»¹⁵. Это незаконное, «софистическое» введение в объяснительный процесс самого объясняемого понятия, это *petitio principii*, по разъяснению другого критика изложенной нами теории¹⁶, допущено, будто бы, в двух следующих пунктах: а) в признании первичной и непосредственной известности нашего организма, как величины именно пространственной; б) в скрытом допущении идеи пространства при объяснении ее элементов (протяжения, направления и т.д.), каковые элементы, будто бы, уже предполагают объясняемую их сочетанием пространственную концепцию.

Справедливы ли, однако, эти обвинения? Действительно ли изложенная нами теория страдает столь грубым логическим недостатком?

В этом позволительно усомниться, – по крайней мере, относительно одной части возражения.

Именно, нам кажется, что Милль был вполне прав, когда в ответ на последнее возражение, заметил¹⁷, что не протяжение (направление, расстояние, форма и т.д.) предполагает пространство, но, наоборот, это последнее предполагает первое, так как пространство может быть определено, между прочим, именно, как «агрегат протяжений» (направлений, положений, мест и т.д.), точно также как время может быть определено в смысле «агрегата последовательностей» (преемств, моментов и т.д.), причем, очевидно, никакого *petitio principii* в теории не оказывалось бы: ведь, действительно не элементы (протяжение, направление и т.д.) предполагают слагающееся из них пространство, а наоборот, – оно предполагает те, так как из них строится. Никакого

«софистического» проскальзывания в выстраиваемую идею пространства, будто бы «тихомолком» в нее заранее вложенных, элементов в эмпирической теории, таким образом, на наш взгляд, совсем не оказывается.

Однако, неосновательное в только что указанном моменте, изложенное нами выше возражение вполне достигает своей цели в другом. Дело в том, что эмпиризм, действительно, делает некоторое логически не правомерное допущение в свою теорию. Именно, ведь он предполагает изначальное, непосредственное знание нами своего собственного тела, как первично данной и невыводимой пространственной величины, и только при помощи этого непосредственного знания, которое служит для эмпиризма точкой отправления и вместе базисом, он оказывается способным объяснить генезис «осязательного» пространства.

Но эта ссылка на непосредственное, предваряющее всякий опыт, знание пространства, в форме знания нами собственного организма, как первой из известных нам пространственных величин, – эта ссылка переводит уже нас от эмпиризма к нативизму, как его необходимому логическому дополнению.

Всмотримся ближе в тезис и аргументацию нативизма¹⁸.

Зерно этой теории мы находим уже у известного физиолога *Иоганна Мюллера*, с именем которого связана знаменитая теория «специфических энергий», – хотя, конечно, в форме совершенно примитивной. Наши познания пространственных отношений, – такова сущность его теории, – покоятся на врожденной нам способности различать части своего тела, как занимающие каждая свое особое место в пространстве. А эта способность, в свою очередь, покоится на способности наших осязательных нервов, а, следовательно, и тех частей организма, по которым они распространены, «чувствовать свою собственную протяженность»... Как видим, теория не только примитивна, но и грубовата. Однако, счастливая мысль нашла многих адептов, которые ее разработали. Так, прежде всего, *Вебер*, с циркулем в руке, доказал, что вся площадь нашего тела, в отношении к осязательной чувствительности, может быть разделена на сравнительно небольшие участки, овальной или эллиптической формы, отчасти пересекающиеся, из которых на одном два различных раздражения, например два укола ножек циркуля, ощущаются как одно, тогда как на двух разных, хотя бы и смежных, – как разные. С своей стороны, *Лотце* сделал еще одно дополнение – своей известной теорией так называемых «местных знаков», т.е. «присущих каждому отдельному ощущению свойств, которыми душа возбуждается к своей пространствоположенной

деятельности»¹⁹. Он показал, что осязательные ощущения, в отличие от других, имеют не один только интенсивный характер, но сверх этого еще, так сказать, некоторые дополнительные пометки специального оттенка, на основании которых душа размещает причины этих ощущений в известном пространственном порядке, – подобно тому, как, например, плотник собирает из груды бревен сруб избы, руководясь теми пометками, которые он сделал на бревнах, когда разбирал сруб: точно таким же образом и душа наша, по указанию местных знаков, «реконструирует пространство».

Из сочетания только что намеченной нами гипотезы *нативизма* с изложенной ранее гипотезой *эмпиризма* образовалась в науке гипотеза примирительно-смешанного (однако же, не эклектического!) характера, которая, освобождая вопрос, в самой его постановке, от крайностей, через то самое возбуждает надежды на его исчерпывающее решение в дальнейшей истории, отчасти же успокаивает научную пытливость, некоторыми научно-бесспорными результатами, уже и теперь.

Разработка этой теории отмечена, главным образом, двумя, хорошо известными в философской науке, именами: Вундта и Рилья.

Точка зрения *Вундта* на занимающий нас теперь вопрос определяется двумя, характерными именно для него, чертами: во-первых, теорией, так называемых, *сложных местных знаков* и, во-вторых, теорией *психического синтеза*. Система «местных знаков», по Вундту, вполне достигает своей цели только у человека, обладающего зрением, и именно через то, что к их («осязательным») показаниям «привходит зрительное представление тронутого места». Однако, и без этого условия, т.е. у людей, лишенных зрения, они все же способны служить целям пространной ориентировки. За отсутствием зрительных образов, слепец прибегает к помощи движений, причем, переходя от одного осязательного впечатления к другому, получает, именно в ощущениях движения, мерку для определения расстояния, на котором осязательные впечатления отстоят друг от друга. Только благодаря этим внутренним ощущениям движения, производимого при переходе от одного осязательного впечатления к другому, слепец и может составлять себе представление о взаимных отношениях положения и расстояния: при передвижении *внешних* осязательных впечатлений каждым двум ощущениям *a* и *b*, с определенным различием в местных знаках, соответствует определенное *внутреннее* ощущение *a*. Большему различию в местных знаках *a* и *e* соответствует более интенсивное двигательное ощущение *u* и т.д. Из сочетания вот этих-то систем ощущений, внутренних и внешних, и возникает у слепцов порядок пространственного размещения получаемых

ими впечатлений. Таким образом, его пространственное представление можно определить, как «результат слияния внешних осязательных ощущений и непрерывно меняющихся по качеству местных знаков их с непрерывно меняющимися по интенсивности внутренними осязательными ощущениями²⁰. Этот процесс «экстенсивного слияния» разнородных ощущений, возбуждаемых с одной стороны, внешними раздражениями, а с другой центральной иннервацией двигательных органов, Вундт уподобляет химическому процессу, в котором, например, из двух металлов возникает тело с новыми свойствами или, положим, из кислорода и водорода новое тело, вода, почему и называет иногда «психической химией», – впрочем, с некоторыми, довольно существенными, ограничениями, разъясняющими, что перед нами аналогия, во всяком случае, не строгая²¹.

Риль делает в области занимающего нас вопроса, сравнительно с Вундтом, шаг вперед. Но, как бы по какой-то игре идей («игре», однако же, логически вполне закономерной), этот «шаг вперед», в некотором смысле, есть также и шаг назад, к позиции эмпиризма. Мы знаем, что для эмпириков пространство есть не что иное, как «простор для движения». Нативисты чистого типа (Тоганн, Мюллер, Вебер, Лотце и др.) дополняют это учение своей теорией «местных знаков», молчаливо, как мы видели, предполагаемой уже и самими эмпириками. Вундт объединил обе эти теории в своем учении о «психическом синтезе». Но тогда как он взглянул на дело, главным образом, с точки зрения результата, *продукта* синтеза, *Риль*, проходящий существенно в том же направлении и усваивающий относительное значение всем, выясненным нами доселе и теперь опять только что перечисленным, моментам сложного психологического учения об «осязательном» пространстве, смотрит на вопрос главным образом с точки зрения *факторов* этого синтеза и, по преимуществу, основного из них, именно системы иннервационных (по терминологии эмпириков: «мышечных», «мускульных») чувствований, которые он называет также *центрально-моторными*. – Специфический характер «осязательного» пространства и для него, как для эмпириков, определяется, прежде всего и главным образом, именно этими ощущениями психофизического усилия. По его собственному сравнению, для нас, зрячих, некоторым намеком на чисто «осязательное» пространство могло бы служить то смутное представление пространственности, которое получилось бы у нас, если бы, например, мы, вытеснив предварительно, насколько это для нас возможно, свои зрительные представления, захотели бы, исключительно с помощью осязания, ориентироваться в темной комнате: мы получили бы при этом

представления известной преемственности и длительности ощущений, может быть даже того смутного «нечто», которое обуславливает «возможность движения». Но все это имело бы лишь отдаленное сходство с тем конкретным, воззрительно-картинным представлением о комнате, которое имеет о ней зрячий²². И в этой, – повторяем неполной и не точной, лишь приблизительной и носящей преимущественно временный характер, – пространственной ориентировке, руководством для нас, как и для слепцов, служат именно моторные ощущения. И у нас, зрячих, аргументирует Риль, они, как известно, играют в пространственных представлениях очень большую роль: всем известно, например, что проходимое нами расстояние, если на нем сделана остановка, кажется длиннее, чем без нее, подобно тому, как рабочий, сильно утомляющий труженика, день кажется ему длиннее, чем «пролетающий» в праздности и веселом безделье. Но у слепцов эти чувствования (иннервационные, центрально-моторные), естественно, достигают особенной и чрезвычайной тонкости и, опираясь на них, они могут, с помощью периферических осязательных ощущений («местные знаки», – и для Рилья необходимый фактор), построить сложную и тончайше выработанную ткань пространственных отношений: «тождество определенного чувства направления во время движения для осужденного довольствоваться лишь осязанием есть тоже, что для зрячего воззрительный образ прямой линии; внезапное изменение этого чувства соответствует созерцательному образу угла: непрерывное изменение – кривой линии и т.д.²³. В системе иннервационных чувствований, из которых мало-помалу у слепцов слагается представление какого-то объемно-компактного целого, – «континуума», сплошного «нечто», как возможности движения, – Риль различает три частичных системы, соответственно трем основным группам центрально-моторных показаний: вверх – вниз, направо – налево, вперед – назад. Каждому изменению в положении нашего тела соответствует определенный комплекс этих чувствований: изменяется центр тяжести нашего тела, – изменяется и комплекс элементарных моторных чувствований, которыми обусловлена в данном случае наша пространственная ориентировка. Вследствие своего органического сочетания именно с этой-то «тройкой системой моторных чувствований», система осязательных ощущений (сопровождаемых «местными знаками») превращается в «одно, тройко определенное, многообразие», которое, благодаря подвижности этих, объединенных в одно целое, систем, еще раз превращается в одно тройко протяженное (но «лишь временно протяженное», – подчеркивает Риль в духе общей своей односторонности)

многообразии, которое и служит, по Рилу, основой осязательного пространства²⁴.

В основных логических моментах (*не исторических*, однако: это не наша задача!), вопрос о генезисе осязательного пространства можно теперь считать исчерпанным.

Это суммарно-аналитическое обозрение главнейших направлений в решении нашего вопроса, на наш взгляд, ставит вне спора, по крайней мере, два факта:

1. Осязательное пространство аналитически может быть разложено на те самые компоненты (составные части), из которых фактически и возникает в живом процессе психического синтеза, – в чистой форме у слепорожденных, в смешанной (с зрительными представлениями) у людей, обладающих зрением.

2. Значение *организуемого материала* в генезисе осязательного пространства имеют, конечно, первичные данные: внешние осязательно-периферические ощущения, с дополнительными «местными знаками» и внутренние иннервационно-моторные ощущения; значение же *организующего фактора*, очевидно, остается всецело именно за «психическим синтезом».

Предстоящее нам теперь изучение генезиса зрительного пространства, дополняя компоненты процесса, должно вместе с тем, – и это его главная цель, – уяснить природу организующего фактора, то есть психического синтеза, который пока остается для нас еще почти совершенно неизвестным иском.

Примечания

¹ - См. у Джона Стюарта Милля, Обзор философии Сэра Вильяма Гамильтона (Спб. 1869), стр. 219.

² - Dunan. L'espace visuel et l'espace tactile (в Revue philosophique, 1888, vol. 25), p.357 suiv.

³ - Op.cit

⁴ - Ипполит Тэн, Об уме и познании, перев. под ред. Н.Н. Страхова, 1872 г., т. II, стр. 64.

⁵ - Dunan. op.cit., pp, 362–3.

⁶ - Ibid., p. 369.

⁷ - Ibid., pp. 372–3.

⁸ - Ibid., 377–380.

⁹ - Ibid., 379–380

¹⁰ - Разбор Кантовского учения о пространстве сделан нами на страницах Богословского Вестника за 1895 г., кн. 6–7.

¹¹ - Терминологическая номенклатура здесь, однако, довольно спорна. Наиболее ясную классификационную схему гипотез мы находим у проф. Челпанова в его исследовании: Проблема восприятия пространства, в связи с учением об априорности и врожденности (Ч. I. Киев, 1896). стр. 9. Почтенный ученый, в сущности, выдерживает введенное впервые Гельмгольцем разделение теорий на эмпирические и нативистические, хотя заменяет эти термины другими. «Я предложил бы, – пишет он, – классификацию, основанную не на принципе врожденности (положенном в основу классификации Гельмгольцем), а на признаке производности. Тогда у нас получились бы две группы теорий: а) Теории непроизводности (или, по принятой терминологии, нативистические): сюда относятся Гэмилтон, Геринг, Штумф, Джэмс. По этим теориям мы ощущаем протяженность так же, как другие качества вещей. б) Теории производности (по принятой терминологии генетические или (?)) эмпирические, предполагающие вмешательство особых психических процессов, которые должны из собственно непространственных элементов ощущения создать пространственное качество. «Группа производности в свою очередь распадается на следующие подгруппы: а) теорию слияния (Гербарт), б) теорию ассоциации (Бэн, Миль, Спенсэр), в) теорию локальных знаков (Лотце, Липпс), г) теорию синтеза (Вундт), д) теорию априористическую (Кант). «Название каждой подгруппы показывает,

каким процессом главным образом создается пространственное качество из собственно непространственных элементов». Не отрицая крупных достоинств этой классификационной схемы (между ними главные: ясность и почти исчерпывающая полнота дихотомического обозрения), мы однако же, – по мотивам, которые нам кажется, не требуют разъяснения, – предпочитаем держаться иного классификационного принципа, а именно мы предпочитаем делить все теории на три группы: 1. Теории эмпирические, которые хотят (что, однако же, им не удастся) объяснить генезис идеи пространства без предположения каких-либо, заранее и непосредственно известных ее элементов (представлений), как то протяжения, фигуры и т.д. 2. Теории нативистические, содержащие открытое предположение изначальной и непосредственной известности нам таких первичных элементов (представлений) идеи пространства. 3. Теории генетические – в смысле Вундтовского определения (Очерк психологии, 137), то есть такие, которые «стараятся открыть путем психологического анализа представлений (о пространстве) элементарные процессы, благодаря которым возникают представления».

¹² - Наприм., Ed. von Hartmann, *Kategorienlehre* (1896), ss. 119 folg.; Prof. Mach в его новом сочинении *Erkenntnis und Irrtum (Skizzen zur Psychologie der Forschung, Leipzig. 1905)*, Ss. 331–346.

¹³ - См. у Джона Стюарта Милля, в *Обзоре философии Гамильтона*, стр. 210 след.

¹⁴ - Там же, стр. 217

¹⁵ - Проф. Козлов. *Свое слово*, выпуск 4-й, стр. 11–12

¹⁶ - Миль, *op. cit.*, стр. 69 – возражение проф. Мэгеффи

¹⁷ - *Ibid.* стр., 71

¹⁸ - Суммарно-краткое, но в то же время достаточно содержательное историческое обозрение гипотез нативизма см. у Ribot, в его *La psychologie allemande* (1885), p. 97 suiv. Ср. русский перевод Ройзмана (изд. «Научного обозрения», Спб, 1895 г.) под заглавием: *Современная германская психология*, стр. 86 и след.

¹⁹ - По выражению, – очень точному и содержательному! – Вунтда, в его *Логике (Logik, 1893)*, B. I, s. 507:.. unter den Localzeichen Lotze versteht eben die einer einzelnen Empfindung anhaftende Beschaffenheit, durch welche die Seele zu ihrer raumsetzenden Thätigkeit angeregt werde.

²⁰ - *Очерк психологии*, перев. под ред. проф. Грота (М. 1897), стр. 130.

²¹ - Сравнительную роль синтетических и аналитических процессов в

выработке «осязательного» пространства Вундт поясняет хорошим примером. «Поучителен», – пишет он (Очерк, стр. 128–129), – «способ чтения слепцами письма Брайля. Обыкновенно слепцы пользуются при этом обоими указательными пальцами правой и левой руки. Правый палец движется впереди, ощупывая одновременно группу точек (синтетическое осязание), а левый за ним несколько медленнее, ощупывая друг за другом последовательно отдельные точки (анализирующее осязание). Но оба эти впечатления, одновременное и последовательное, соединяются друг с другом и относятся к одному и тому же объекту. Этот прием ясно указывает, что у слепых, как и у зрячих, вовсе не дается вместе с воздействием осязательных впечатлений на орган осязания непосредственно и их различения в пространстве, но что здесь на долю движений, при помощи которых служащий для анализирующего осязания палец проходит отдельные расстояния, выпадает такая же роль, как у зрячего на долю сопутствующих зрительных представлений». Теория «психического синтеза» или «экстенсивного слияния» изложена Вундтом, всего обстоятельнее и с отстранением возражений, в его Физиологической психологии (Grundzüge der Physiologischen Psychologie, Leipzig, 1893, – см. первые главы второго тома, особенно стр. 38 и 38–45), где Вундт делает и то свое ограничение к этой аналогии, о котором мы говорим в тексте. Der Hinweis auf die chemischen Verbindungen, – пишет, между прочим Вундт (op. cit. 45–6), – will nur durch ein für unsere heutige Erkenntnisstufe augenfälliges Beispiel versinnlichen: Niemand kann die Eigenschaften des Wassers aus denen des Wasserstoffs und des Sauerstoffs vorhersehen, obgleich Niemand bezweifelt, dass sich jenes aus diesem zusammensetzt. Sachlich ist diese Analogie deshalb keine ganz zutreffende, weil die chemische Dynamik möglicher und sogar wahrscheinlicher Weise noch dazu führen kann, die Eigenschaften einer Verbindung aus denen ihrer Bestandteile vorauszusagen. Bei der psychischen Verschmelzung dagegen wird, wie ich meine, gemäss dem allgemeinen Charakter psychologischer Gesetze immer nur dieses möglich sein, dass man die Eigenschaften der Componenten gewissermassen in der Resultante wiedererkennt: niemals aber wird diese so vollständig und ohne Rest aus den ersteren hervorgehen, dass man etwa dem, der die Vorstellung des Raumes nicht selbst erlebt hätte, diese beibringen könnte, wenn man ihm unabhängig von einander Tastempfindungen mit ihren Localzeichen und Bewegungsempfindungen mitzuthellen vermöchte.

²² - Prof. A. Riehl, Der Philosophische Kritizismus. B. II. 1 (Leipzig, 1879) S.147

²³ - Ibid., S. 145–6

²⁴ - Ibid., 144 – Что «осязательное» пространство выступает в сознании слепцов с преобладающим временным характером, это согласно признается большинством психологов и, поскольку Риль в данном отношении оказывается солидарным с ними, его изложение не возбуждает никаких недоумений. Но иногда (см., напр., стр. 145) его фраза звучит гораздо решительнее, в смысле признания за «осязательным» пространством исключительно временной природы, и тогда он становится в противоречие не только с признаваемым большинством психологов мнением, но отчасти и с самим собой. В самом деле, ведь он же считает, например, возможным образование при помощи одного осязания познаний тела, вещественности, восприятия которой, однако же, по его словам (стр. 146), неотделимы от представлений расстояния, тождества и различия в направлении и т.д., то есть от элементов пространственности...

Содержание

Анализ идеи пространства Алексей Иванович Введенский	1
Психологическая точка зрения	2
1. Точка отправления: пространство «зрительное» и «осязательное»	4
2. Генезис «осязательного» пространства	15
Примечания	24